

ях человеческой культуры во всём её многообразии как материал для возможности культурного ренессанса. Времени для этого невероятно мало...

Вождь Вунинге выразил желание еще раз увидеться с нами в последние годы правления в его обреченном девственном мире. Доведеется ли...

А.К. Оглоблин

О ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИНДОНЕЗИИ И МАЛАЙЗИИ

Сначала мысль воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света.
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена,
В свободной прозе романиста.
Болтуня старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Е.А. Баратынский

Под поэтической культурой условимся понимать определенные аспекты функций, производства и восприятия (выражаясь не совсем поэтически, можно сказать, «потребления») стихов. В частности, нас будет интересовать вопрос о профессиональной и любительской поэзии. Профессионализм можно понимать в двух смыслах. Во-первых, профессиональным поэтом можно назвать того, для которого творчество является главным занятием и источником заработка. Этот вид профессионализма в Индонезии и Малайзии встречается довольно редко. Во-вторых, можно говорить о профессионализме, имея в виду определенный уровень ремесла, мастерства, соблюдение определенных норм стихотворной техники. Он может быть свойствен поэту, для которого источником заработка будет другое занятие, например журналистика, преподавание в школе, университете, издательская работа.

В древнем обществе профессиональной в плане мастерства является поэзия двух видов, которые, правда, по своим функциям не очень четко различаются. Во-первых, это мифологическая и эпическая поэзия, относящаяся к интересам целого коллектива, например сказания о деяниях предков. Во-вторых, поэтическая часть действий, образующих некий обряд, ритуал, например целительства, сватовства, похорон. Надо заметить, что исполнение сказаний о предках тоже нередко не лишено ритуального или магического компонента. Вся эту профессиональную традиционную поэзию создают и воспроизводят сказители, целители, жрецы и шаманы. Они обычно совмещают свою поэтическую деятельность с иными занятиями, например земледелием.

Поэзия непрофессиональная может быть чисто лирической, самый известный ее вид в изучаемом регионе — пантуны малайцев и сходные формы других народов. Она доступна любому, кто имеет некоторый вкус к стихотворству, и, как правило, импровизируется на известном лексическом и образном материале. Встречается также непрофессиональная поэзия частной жизни, когда любой желающий поет о себе, каких-то событиях, касающихся его лично, и передает свои чувства и впечатления. Она тоже носит характер импровизации, частью эпической (повествовательной), частью лирической. Импровизацией, полной или частичной, являются также военные, колыбельные и трудовые песни. А такая дидактическая поэзия, как адатные изречения минангкабау, не создается заново, а хранится в памяти непрофессионалов в готовом виде, подобно пословицам и поговоркам.

После появления письменности в средневековье возникает профессиональная придворная поэзия. Поэт является должностным лицом, поэзия — его основным занятием. Согласно одной из теорий, придворная поэзия на Яве была видом «литературной магии»: создание и чтение произведения служило укреплению власти правителя, его победам и процветанию государства (Х. Берг).

Поэзией занимались и сами коронованные особы. В колониальный период в Нидерландской Индии они не могли активно заниматься политикой и много времени уделяли куль-

туре и искусству. В XIX в. известны, например, яванские августейшие поэты Пакубувоно IV, Мангкунегоро IV, в XX в. — Мангкунегоро VII. В плане своего социального положения и занятий они были поэтами-любителями, но в плане мастерства некоторые из них, судя по их популярности у яванцев до сего дня, могут считаться профессионалами.

Народная и придворная поэзия влияли друг на друга. Поэмы с исконной яванской метрикой (*кидунг*) сначала существовали в устной форме, а около XIV в. стали записываться. Позже эта метрика для письменной поэзии стала основной, а ее язык усвоил элементы придворной поэзии.

Помимо придворной и народной поэзии, центрами поэтического творчества в средние века были религиозные кружки и центры. В период распространения ислама у яванцев в ходу были мистические поэмы (*suluk*), создававшиеся в религиозных кругах. Крупнейшим малайским суфийским поэтом был Хамзах Фансури (конец XVI — начало XVII в.). Часть жизни он провел при дворе ачехского султана.

Чтение стихов и прозы в традиционном обществе происходило вслух и было большей частью коллективным времяпрепровождением. Особенно характерны читательские клубы на о. Бали. Занятия в этих клубах состояли в чтении нараспев, строфа за строфой, старинных поэм на древнеяванском языке и их толковании и обсуждении по-балийски, на родном языке участников. Другим примером может быть минангкабауский жанр *basimalin* — чтение «Сказания (*kaba*) о Малин Демане» по рукописи, без собственной фольклору импровизации. Это произведение, названное по имени главного героя — Малин (малайск. Малим Деман), записано арабицей и читается вслух по тексту¹. Чтение поочередное, происходит в ночные часы без музыкального сопровождения. Сказание довольно популярно, о чем свидетельствуют десятки рукописей, сохраненные в индонезийских и европейских собраниях. Оно написано «ритмическим стихом» (малайск. термин *bahasa berirama*), который перемежается четверостишиями и шестистишиями типа пантуна.

Индивидуальное чтение нараспев также возможно. Современный исследователь цитирует отчет о народном просвещении на Западной Яве 1867 г.: «Ни один туземец, не

считая отдельных европеизированных начальников, не читает про себя, взяв в руки книгу, как делаем мы. Туземец ложится животом на пол, руками взявшись за голову, и пропевает более или менее громко то, что он видит перед собой в книге (сейчас пока еще чаще — в рукописи), хотя он и читает самому себе. Читать не вслух туземец не умеет»².

Культура чтения про себя развивается, вероятно, с середины XIX в. в городской среде, не связанной с придворными и религиозными кругами и подверженной влиянию европейцев. Развивается любительская поэзия, в большом количестве представленная в газетах и журналах.

Привычка к стихотворству порождает некий универсализм стихотворной формы: Она применяется практически к любому содержанию. Существует много сочинений, где нет никакого вымысла: описываются события, свидетелем которых был автор. Например, малайский автор мунши Абдуллах, по преимуществу прозаик, в 1840-х годах описал пожар в Сингапуре, а другой малайский поэт в 1890-х годах — визит в Батавию русского цесаревича Николая Александровича. Секретарь голландского ученого яванец Сурьо Виджойо в 1869 г. описал в стихах путешествие по Яве³. Малайская «Поэма о войне между Россией и Японией» начала XX в. целиком основана на газетных сообщениях⁴. Сходное малайское повествование в стихах посвящено событиям Первой мировой войны. В 1913 г. частное издательство публиковало руководство по сельскому хозяйству «Друг крестьянина» в стихах и прозе⁵.

В современных странах Нусантары ведущее место занимает серьезная профессиональная поэзия, рассчитанная на индивидуальное чтение и поощряемая различными литературными премиями и наградами. Вместе с тем отдельные особенности традиции любительского стихотворства имеют продолжение и в современную эпоху. Можно выделить три направления этого стихотворства. Условно назовем их 1) модернизация народного стиха, 2) «эпос частной жизни», 3) «перформанс».

1. «Модернизация народности». Примерами могут быть книги яванца Субагьо «Яванские париканы. Вечная поэзия» и индонезийского автора Джона Гава «Мудрость в 1001 пантуне»⁶. В той и другой содержатся четверостишия по

схеме пантуна, где первые две строки содержат образ из мира природы или иной, а вторые две — основную мысль. Отличие материала в этих книгах от традиционного — и в языке, и в содержании второй части четверостишия, большей частью назидательном, дидактическом (в традиции пантунов львиная доля принадлежит любовным переживаниям). Книга Субагьо собрана по полевым материалам и имеет более или менее научный характер. Здесь нередко встречаются лозунги общественного звучания, иногда настроя левое толка: «Проводить кампанию ограничения рождаемости: Меньше детей — сократится безработица»; «Организация нужна для объединения сил». В книге Джона Гава пантуны большей частью сочинены автором. Читателю преподносятся, например, изречения: «Не торопись с важными решениями», «Слушай советы мудрых людей», «Знания приносят пользу, надо учиться». Хотя казалось бы, стихотворная техника пантуна очень проста, а рифм в индонезийском языке сколько угодно, автор не соблюдает элементарных правил ритмики и рифмовки.

Модернизированные пантуны распространены также в Малайзии. По радио проводятся состязания школьников, импровизирующих пантуны на современные темы. Вообще малайцы Малайзии, по признанию индонезийцев, в этом искусстве их превосходят⁷.

2. «Эпос частной жизни». Например, яванская поэма «Странствующий министр» была написана министром правительства Республики Индонезии по личным воспоминаниям о том, как он спасался от голландской армии во время оккупации Джокьякарты в 1947 г.⁸ В хронологическом порядке повествуется о всех его перемещениях, встречах, грозивших опасностях, о тех, кто помогал скрываться от противника ему и другим республиканским деятелям. Все изложено традиционными яванскими строфами *мочопат*. По словам автора, она была написана на память его собственным детям, но была замечена общественностью и издана для широкой публики.

Другим примером может служить поэма на малайзийском языке в традиционной форме *шаира*, четверостишиями с рифмовкой АААА, написанная нашей доброй знакомой, преподавателем Национального университета Малай-

зии д-ром Норией Мохамед и повествующая о ее поездке на Суматру⁹. Эта поэма тоже написана на память себе самой, родным и знакомым.

У некоторых народов в стихах пишутся и личные письма. Как уже приходилось отмечать, «[п]очти все, что написано по-ачехски, — это стихи в 16-сложном размере *санджак*, — включая и ачехские рубрики в местных индонезийских газетах. Большинство личных писем, полученных современным исследователем ачехского языка Марком Дьюри, написано в стихах. Таково же и старейшее из сохранившихся ачехских писем, отправленное из Мекки в 1713 г.»¹⁰.

3. «Перформанс». Другое явление, связывающее современную поэтическую культуру с традицией — некий возврат к коллективному и непрофессиональному производству и потреблению литературы, ее устному восприятию и к «комбинаторной» эстетике расхожих мотивов и приемов, что напоминает с известной модификацией ситуацию в бесписьменно-фольклорном обществе. Устному характеру литературы способствует и внедрение в жизнь аудиовизуальной техники. Примечательна широкая практика литературных чтений (декламация стихов, нередко с повышенной экспрессией), в которых может принять участие любой желающий. Тем самым литература представляет собой массовую художественную самодеятельность. В связи с этим ставится вопрос о коренном различии литературной жизни индонезийцев и читателей стран Запада, о чем пишет В. Деркс¹¹. В своей статье он ссылается на библиографию Э. Кратца, включающей 27 тысяч стихотворений и рассказов (также ряд пьес), опубликованных в журналах с 1922 по 1982 гг.¹² В нее не включены газетные публикации, тогда как литературная рубрика в газете является старой традицией: здесь печатаются стихи, рассказы, повести с продолжением, сценки, не говоря уже о комиксах. Исследование всего этого материала пока не начато, но, судя по некоторым данным, довольно большая часть массовой поэзии представляет отклик на общественно-политические темы. В 1966 г. во время массовых демонстраций с целью свержения президента Сукарно устные поэтические выступления играли некоторую роль в возбуждении толпы. Сейчас

в гражданской лирике часто весьма эмоционально выражается сочувствие лишениям и страданиям народа.

Даже для профессионалов порой важен не столько текст, сколько его исполнение («перформанс»). Ярким образцом в этом отношении является индонезийский поэт Сутарджи Калзум Бахри. По своему уровню он, несомненно, талантливый профессионал, но его творчество рассчитано исключительно на слуховое восприятие. Значение слов, как он объясняет, в поэзии несущественно, важно только звучание, которое освобождает слушателя от мира безобразной реальности, переводя его в мир чистого искусства. Звучание это на практике представляет почти непрерывный крик с соответствующей экспрессивной жестикуляцией, топаньем ногами и т.п.¹³ Несомненно, у этого профессионала много непрофессиональных подражателей.

В заключение можно сказать, что любительская поэзия, продолжая традиции былых времен, представляет заметный компонент современной поэтической культуры названных стран. Как можно объяснить специфику ее распространенности?

Поэзия, по мнению Баратынского, в его стихотворении, вынесенном в эпиграф выше, содержит в отличие от прозы и публицистики нечто не вполне или не сразу доступное рациональному объяснению. В таком случае разлитое море любительской поэзии, вероятно, связано с общественным дефицитом рациональных объяснений жизненных обстоятельств. Это толкование вполне подходит к тому, что мы назвали перформансом. С другой стороны, оно не совсем подходит к тому, что мы назвали эпосом частной жизни и к дидактическим четверостишиям на современные темы. Эти жанры удерживают значительный компонент традиционности и выполняют функции, которые в литературах другого типа присущи художественной прозе, публицистике, дневникам и письмам.

***

1. Герой женился на небесной деве и, прожив с женой некоторое время в лесном доме старухи-посредницы, вернулся вместе с ними обеими в родное село. После рождения сына возник конфликт с матерью Малин Демана. Изложение кончается возвраще-

нием жены героя вместе с сыном в небесное царство. Рукописи на языке минангкабау вообще редки, поскольку минангкабауская словесность в основном устная. Suryadi. Naskah tradisi basimalin. Pengantar teks dan transliterasi / Program penggalakan kajian sumber-sumber tertulis Nusantara. [Jakarta]: Fakultas Sastra Universitas Indonesia, [1998?].

2. Van den Berge T. Van kennis tot kunst. Soendanese poëzie in de koloniale tijd. S.l., 1993. P. 18.

3. Pigeaud Th.G.Th. Literature of Java. Catalogue raisonné of Javanese manuscripts. Vol. II. Leiden, 1968. P. 107.

4. Корягина С.В. «Поэма о войне России и Японии» (рукопись из собрания Института востоковедения РАН в Санкт-Петербурге) // Филиппины в малайском мире (малайско-индонезийские исследования, V). М.: Рус. геогр. об-во; Моск. центр, 1994.

5. Mitraning among tani. Djilid VII. Semarang: Benjamins, 1913.

6. Soebagyo. Parikan Jawa. Puisi abadi. [Jakarta]: Garda Pustaka, 1992; Gawa J[ohn]. Kebijakan dalam 1001 pantun. Jakarta: Kompas, 2004.

7. На конференции по ЮВА (Гамбург 1998 г.) ведущий секции литературы малайзийский поэт Мухаммад хаджи Саллех комментировал каждый доклад в форме пантуна.

8. Tirtapraja S[usanta]. Serat waosan nayaka lelana. Alih aksara kembali dan alih bahasa Sumarsana. Departemen Pendidikan...Proyek penerbitan buku sastra Indonesia dan daerah. Jakarta, 1980. (Переиздание текста начала 1950-х годов.)

9. Noriah Mohamed. Menggeser rasa di Medan. April 1993. Брошюра, за которую мы благодарим автора, представляет компьютерный самиздат с памятными фотографиями почти на каждой странице.

10. Нусантара. Юго-Восточная Азия: Сб. мат-лов. СПб., 1998. С. 88.

11. Derks W. «If not to anything else». Some reflections on modern Indonesian literature // Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde. 1996, D. 152/3.

12. Kratz E. A bibliography of Indonesian literature in journals. Yogyakarta: Gadjah Mada Univ. Press, 1988.

13. Впечатление от выступления Сутарджи К. Бахри в Гааге в январе 2005 г.